

А.Н. МАЛИНКИН

«НОВАЯ РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»: ИССЛЕДОВАНИЕ ПО СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Статья является сокращенной версией обзора российской гуманитарно-научной литературы 1990-х годов, своего рода экстрактом проблематики «новой российской идентичности». Поэтому в статье отсутствуют библиографический список, цитирования и развернутая аргументация. Разумеется, данный экстракт не является уменьшенной копией отечественного дискурса: формат статьи требует выбора наиболее значимых (с нашей точки зрения), тем. Однако соблюдались объективные критерии отбора материала: как наличие ряда ключевых слов в библиографическом описании (например, «нация», «национализм», «патриотизм», «русские», «русский вопрос», «русская идея» и т. п.), так и известность, авторитетность авторов, частота цитирования, рекомендации специалистов и экспертов по данной теме и т.д. В дискуссию о российской идентичности вовлечены представители всех гуманитарных наук, поэтому дисциплинарные ограничения при выборе текстов не имели принципиального значения. Общее количество публикаций по данной тематике с трудом поддается количественной оценке¹. Очевидно, это одна из наиболее актуальных и острых тем отечественного публичного и интеллектуального дискурса. Очевидно также, что самые строгие критерии отбора литературы едва ли могут гарантировать всесторонность, полноту охвата и безупречную объективность рассмотрения столь дискуссионной темы.

В центре внимания автора — научные монографии и статьи, опубликованные в 1990-е годы. В некоторых случаях, когда какой-либо известный автор обнародовал свои взгляды в прессе, мы учитывали и газетные публикации. Рассматривая те или иные концепции и понятия, мы стремились по возможности проследить изменения в их содержании и способах применения в зависимости от изменений в исторических реалиях, понять их прежде всего в российском социокультурном контексте. В центре нашего внимания были взаимосвязи между реально-политическими, этнонациональными, демографическими и социально-экономическими процессами, происходившими в России в последнее десятилетие, с одной стороны, и формами политологического, этнологического («нациологического»), экономического и социологического знания, — с другой.

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии знания Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120-82-57. Факс: (095) 719-07-40.

Электронная почта: alexmalina@mtu-net.ru

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Швейцарского национального научного фонда.

¹ По расчетам Г.С. Батыгина, в 1990-е годы по теме «российская идентичность» в России опубликовано около 1500 книг и 3 тыс. статей.

В своем обзоре мы пытались показать ограниченность взгляда, согласно которому обществоведение, чтобы быть подлинно «научным», должно якобы отстраниться от общественной жизни, замкнувшись на самое себя. В ряде случаев наши суждения выходили за пределы ценностно-нейтральной научной сферы в область философско-социологических, или ценностных (мировоззренческих) утверждений. Описывая те или иные особенности дискурса, характеризуя тенденции в социальных науках, мы не могли не проецировать на них собственные взгляды, целиком исключить оценки. Это признание — не раскаяние, но элементарная вежливость гуманитария. Абсолютно объективного отношения, мнения, точки зрения и т. п. в социальных науках нет и не может быть — таков один из постулатов классической социологии знания, полностью нами разделяемый. Исключению подлежит не личная точка зрения исследователя (а стало быть, определенная социальная и мировоззренческая позиция его как личности), а предвзятость, основанная на слепой, иногда фанатичной, вере в императивы, не допускающей иного мнения.

Объектом нашего исследования была российская интеллектуальная элита (интеллигенция), прежде всего — гуманитарно-научная общественность. При этом мы ориентировались только на представляющие ее тексты, исключив из рассмотрения социальную, политическую, экономическую активность, вообще все виды общественно-полезной деятельности. Предметом исследования было отношение гуманитарно-научной общественности Российской Федерации к национальному самосознанию в его различных формах, проблеме «национальной идентичности», в первую очередь — к так называемым «русскому вопросу» и «русской идее». В этой связи мы затрагивали также следующие темы: отношение к вопросам о русской и российской самобытности, ментальности, национальном характере, об особом пути и миссии России в мире т. п., о поисках национальной идеи, к проблеме общенациональной консолидации, государственного строительства, реидеологизации, национального и государственного патриотизма и т. п.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ДИСКУРСА

Тематический репертуар. В содержательном плане центральными темами являются «национальная идентичность», «национальный вопрос», «национальная идея», «национализм», «патриотизм». Провести четкие границы между смежными темами невозможно, поэтому периферия дискурса также, в свою очередь, чрезвычайно широка. С формальной точки зрения, условно можно выделить следующие подходы к тематическому репертуару: дисциплинарный и междисциплинарный, теоретический и эмпирический, исторический и логический.

По нашим наблюдениям, преобладает дисциплинарный подход с элементами исторического и теоретического. Так как сама тема имеет философский характер с выходами на весь спектр гуманитарных наук и сферу практической политики, наиболее заметно участие в дискуссиях на эту тему философов, которые делают предметом своего рассмотрения общественные, политические, социально-исторические, культурные, экономические, межнациональные реалии и процессы. В свою очередь участвующие в дискуссиях социологи, политологи, культурологи, этнологи, историки, экономисты и другие гуманитарии в той или иной мере склонны пофилософствовать.

Такая склонность — не грех, однако бросается в глаза то, что явно выраженная философичность, или философская нагруженность дискурса по новой российской «идентичности» сочетается с недостаточной теоретичностью и концептуальной самостоятельностью авторских позиций, их слабой эмпирической обоснованностью, подчиненностью элементов исторического подхода определенным идейным и идеологическим доктринам. Возможно, этот контраст при таком характере темы был бы вполне оправдан, если бы указанная философичность не представляла собой довольно часто выражение известных ценностно-мировоззренческих стереотипов и клише, этнонациональных предрассудков и мифов, не носила отпечатка интеллектуальной моды, не отражала господствующие ныне иллюзии и самообманы общественного сознания.

Исторический дискурс. В первую очередь в рассматриваемом дискурсе следует выделить исторические изыскания, направленные на осмысление того, что же произошло с Россией, российским народом и русскими за семьдесят лет советской власти. Тема «национальный вопрос» относилась к числу наиболее запретных, писать по ней открыто и свободно в СССР было невозможно, поэтому с конца 1980-х годов, в эпоху «гласности» и «перестройки» произошел прорыв: все, что десятилетиями копилось в умах и душах, что ранее писалось «в стол», наконец, стало публиковаться. Публикации умудренных опытом авторов, успевших написать о прошлом «как оно было на самом деле», слились в один поток с публикациями авторов среднего и молодого возраста, спешащих написать о настоящем и будущем, исходя из прошлого, понятого ими «правильно», в свете того, «каким оно было на самом деле». Надо ли говорить, что описание и оценка прошлого у разных авторов сильно различаются?

Едва ли возможно перестроить собственное сознание в одночасье. Человек может искренне «считать», что он изменил свое сознание и при этом благополучно жить и мыслить по-старому. Длительное господство марксистско-ленинской идеологии сформировало не только определенный взгляд на «этнос», «нацию», «национальность», «национализм», «патриотизм» и т. д. и определенный образ мыслей — за ней стоял определенный уклад и образ жизни. Поэтому не удивительно, что историческая сфера дискурса по новой российской идентичности начала воспроизводить, хотя и в новых исторических условиях («холодная война окончилась», «железный занавес пал») и часто в новых терминах (заимствованных у западных авторов), старые мыслительные схемы и навыки.

К их числу следует отнести прежде всего идейный фундаментализм (ригоризм), идеологический фанатизм, жестокий и беспощадный революционаризм, утопический максимализм, бескомпромиссный радикализм. Эти предикаты относятся не столько к мышлению, сколько к определенным исторически сложившимся типам мыслящих личностей, и тот факт, что они по-прежнему воспроизводятся в России, иначе как трагическим не назовешь. В этом смысле, к сожалению, не так важно, на какой стороне баррикады, в какой политической партии находят выражение эти глубинные культурные предрасположенности, социально-антропологические установки — будь то у приверженцев либеральных или консервативных идей, идей государственного и национального патриотизма или умеренных центристов, у современных

«западников» или «славянофилов». Фактически в каждом идейном «лагере» оказалось достаточно интеллектуалов, желающих если не радикализировать, то заострить принятые в нем принципы и правила игры. В исторической сфере завязалась напряженная полемика с признаками антагонистической «классовой борьбы» с характерными для нее установками на взаимное уничтожение.

С одной стороны, доказывалось, что СССР был империей, а именно «империей зла» и «тюрьмой народов»; что в нем господствовал коммунистический тоталитарный режим, по сути родственные национал-социалистскому (сталинизм=гитлеризм, коммунизм=фашизм); что русский народ, прикрываясь пролетарским и советским интернационализмом, всячески угнетал, притеснял и эксплуатировал другие народы СССР с позиций «старшего брата» — русского великодержавного шовинизма и православного мессионизма («Москва — третий Рим»), сплавившихся воедино с коммунистической утопией бесклассового «светлого будущего»; что в СССР на самом деле пышным цветом расцвел «антисемитизм», став почти государственной политикой; что коммунизм, тоталитаризм и «имперский синдром» до конца еще не изжиты (отсюда — актуальность темы «русского фашизма», «нацизма», «расизма» и т. п.), что они препятствуют не только построению гражданского общества и реформам, но и национальному самоопределению «коренных народов» бывшего СССР, оставшихся в составе РФ и ставших «титутельными нациями» в собственных национально-государственных и национально-территориальных образованиях, росту их национального самосознания, национальной самоидентификации. Национальное освобождение и выход из состава Российской Федерации — вот актуальная задача и неотвратимое будущее всех республик и национальных автономий в составе Российской Федерации: «Карфаген должен быть разрушен!».

С другой стороны, утверждалось, что в СССР был сначала авторитарный, а затем партократический олигархический режим с элементами тоталитаризма, которые ныне полностью ликвидированы; что хотя СССР и был в определенном смысле «империей» (таковой, по сути, является любая многоэтническая великая держава), но он был скорее «освободителем народов» и «империей добра», выгодно отличавшейся от других империй, истреблявших, грабивших и изгонявших с их исконных территорий целые народы; что реальный социализм, даже времен сталинизма, нельзя отождествлять с гитлеровским национал-социалистским режимом, как нельзя ставить на одну доску коммунизм и фашизм — это разные вещи; что русский народ в действительности сам больше всех других народов СССР пострадал от пролетарского и советского интернационализма, означавшего по сути деэтнизацию, при этом он все время оказывал «братскую помощь» другим народам, отрывая последний кусок от себя, всячески содействовал их просвещению и формированию их национальных элит, которые теперь платят ему черной неблагодарностью; что в СССР на самом деле никогда не было сколь-нибудь значительного «антисемитизма», тем более как государственной политики, который выделял бы СССР из ряда других «цивилизованных стран» — наоборот, евреи в СССР, особенно до Великой Отечественной войны, занимали ведущие партийные и государственные посты, потом же их число в верхних эшелонах власти сократилось вследствие естественной циркуляции элит по

мере изменений советского общества (в том числе роста образованности русского населения); что тезис о неизжитости у русских коммунизма, тоталитаризма и «имперского синдрома» используется как аргумент для доказательства их якобы природной фашизодности (поэтому темы «русского фашизма», «нацизма», «расизма» в России не более актуальны, чем в других «цивилизованных странах»); что препятствуют построению гражданского общества и реформам в России антидемократический этноцентризм и этнократизм «коренных народов», ставших в собственных национально-государственных и национально-территориальных образованиях в составе РФ привилегированными «титовыми нациями» и практикующих в своих «удельных княжествах» по отношению к нетитульным нациям расовую дискриминацию. Вот почему изменение Конституции РФ и «Федеративного договора» в плане совершенствования федеративного устройства с целью укрепления Российского государства и уравнивания граждан в их фактических правах соответствует, с одной стороны, правильно понятому русскому национализму, а с другой — формированию российской нации по принципу государственного гражданства («одно государство — одна нация»).

Центральным и фундаментальным в истории национального вопроса в России является понимание того, что такое «нация». В отечественной обществуведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали определенную ступень в развитии народа (этноса), исторически сложившуюся общность людей, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего развития непременно с помощью обособленного национального государства. Этим объясняется теоретическая и практическая значимость принципа национальности в истории XIX–XX столетий: в СССР, Югославии, Чехословакии он составлял основу внутреннего национально-государственного (федеративного) устройства.

Укоренившееся в нашей стране понимание «нации» зафиксировано во многих словарях, отражено в многочисленных публикациях. Нация, утверждает, например, «Словарь иностранных слов», — это «исторически сложившаяся форма общности людей; нации свойственны общность территории и экономической жизни, общность языка, некоторые черты психологического и духовного облика, проявляющиеся в своеобразии культуры». Такое понимание восходит к сталинскому определению нации. «Нация, — писал И.В. Сталин, — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» (Сталин И.В. Соч. Т. 11, с. 333).

Между тем, анализ сталинского определения обнаруживает, что, по сути, нация в нем не определена. Здесь перечислены признаки или черты этноса, которые свойственны социально-этнической общности людей как таковой — родоплеменной общности, народности, нации, причем никаких специфических черт нации, отличающих ее, например, от родоплеменной общности, не указывается. Утверждения Сталина, что «только наличие всех при-

знаков, взятых вместе, дает нам единство нации», что «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» (Сталин И.В. Соч. Т. 2, с. 297) существа дела не меняют. Ведь и наличие всех признаков, если следовать сталинскому определению, составляет лишь фундамент, на котором появляется нация, но не дает специфического отличия нации от других социально-этнических образований.

Хотя с середины 1990-х годов и была предпринята сверху попытка реабилитации государственного патриотизма и внедрения в массовое сознание идеи нации как гражданства, но пока эта инициатива не нашла широкой поддержки в массах (пример — недовольство изъятием в паспортах нового типа графы «национальность») и не привела к конкретным юридическим шагам в направлении изменения действующей Конституции РФ и «Федеративного договора». На наш взгляд, необходимость таких изменений очевидна. Сталинское понимание нации, делающее акцент на привязке определенного этноса к определенной территории, до сих пор лежит в основе федеративного устройства Российского государства, господствует в умах большинства наших сограждан, продолжает определять специфику федеративных и межнациональных отношений в нашей стране. В результате сложилась ситуация, когда русские оказались во многих субъектах РФ на положении «гостей» в своем же государстве, стали «гражданами второго сорта», дискриминируемым «большинством» (из 21 республики РФ только в 4 — Чувашии, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Туве — «титовая нация» превышает половину населения). С одной стороны, в Российской Федерации у русского народа в отличие от других народов, проживающих в России в собственных национально-государственных и национально-территориальных образованиях, нет ни своей республики, ни своей автономии. Но сама Российская Федерация не стала юридически государством русских. Первая фраза Конституции РФ гласит: «Мы, многонациональный народ России... принимаем настоящую Конституцию», чем подчеркивается правосубъектность и суверенность не русского, а именно некоего «многонационального народа». Этой фразой утверждается прежде всего то, что юридически Россия не является государством русских. Более того, по Конституции РФ, русский народ вообще лишен правосубъектности: он в ней даже не упоминается.

С другой стороны, государственное устройство нации, понимаемой как согражданство, может иметь целый ряд вариантов, но, как показывает мировой опыт, оно во всяком случае не предполагает составных административно-территориальных частей, образуемых по этническому признаку. Применительно к «русскому вопросу» это означает: либо национально-территориальные образования народов Российской Федерации, образованные по этническому признаку, должны быть ликвидированы со всеми их (искусственными) границами и квазифеодальными привилегиями, стимулирующими формирование этнократических федерально-республиканских режимов — либо у русского народа, как у всех относительно больших народов Российской Федерации, должно быть собственное национально-территориальное образование.

С нашей точки зрения, первая альтернатива предпочтительна. Но региональные элиты (а также лидеры их зарубежных диаспор и иностранные наблюдатели) отвергают ее в принципе либо отказывают ей в реалистично-

сти. Поскольку они это делают, с их стороны было бы логично признать вторую альтернативу. При всей ее спорности, она, по крайней мере, ставит русский народ в равные условия с другими народами России. Но ее также никто не хочет признавать — ни региональные, ни федеральные власти, ни зарубежные диаспоры и иностранные наблюдатели. Не следует ли оценивать эту ситуацию как дискриминационную по отношению к русскому народу? На наш взгляд, дело обстоит именно так. Это позволяет говорить о применении по отношению к русским двойных стандартов: национализм, национальный патриотизм, собственная государственность якутов, татар, башкир, калмыков, карачаевцев, черкесов, чеченцев, ингушей и других этносов — это нормально и даже хорошо; национализм, национальный патриотизм, собственная государственность русских — это аномалия. По мнению некоторых авторов (в том числе, русских), это даже проявление ультранационализма, расизма, нацизма, фашизма.

Но верно ли это? Нет. Для такой однозначно негативной оценки нет никаких разумных оснований. Более того, возникшие в первой половине 1990-х годов в ряде субъектов РФ национально-исторические концепции, в которых нерусские этносы РФ изображаются жертвами угнетения русского народа и великодержавной политики Москвы еще со времен царя Гороха, представляют собой конъюнктурные этногенетические мифы. Внимательный анализ показывает, что они нужны для того, чтобы доказать легитимность этнократических режимов в регионах и на местах, идейно и морально обосновать практику дискриминации «нетитульного» населения республик. И если создатели таких мифов ратуют за возврат к политике «подлинного интернационализма» первых лет советской власти, выдавая ее за истинно демократическую, то лишь потому, что сохранение ее русофобской, антирусской ориентации полностью отвечает нынешним интересам региональных этнократов.

В Российской Федерации, образовавшемся на обломках Союза ССР, — огромном многонациональном государстве — до сих пор нет официальной доктрины национальной политики. Поэтому остаются открытыми многие вопросы. Например, будет ли «согражданство» россиян и дальше строиться на русофобских, деэтнизирующих принципах «пролетарского» и «советского» интернационализма, некритически заимствованных строителями новой российской власти у руководителей СССР? Будет ли оно базироваться на национальном и патриотическом нигилизме космополитической концепции «общечеловеческих ценностей», ориентирующей на денационализированный «глобальный человек», сооружаемый Западом под руководством США? Или согражданство россиян, подобно тому, как это имеет место в большинстве стран мира, будет строиться на правильно понятом русском национализме и на государственном патриотизме единой и неделимой российской нации?

Здесь может возникнуть вопрос: не вступает ли в противоречие утверждение русского национализма с гражданско-политическим принципом «нации-государства»? На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Недоразумение может возникнуть лишь вследствие смешения двух тесно взаимосвязанных, одинаково необходимых, но не взаимозаменяемых национальных идей — русской и российской. Их отождествление — ошибка, ведущая к ложной дилемме: либо наднациональная российская идея в Российском го-

сударстве с целью построения гражданско-политической «нации-государства» — либо русская идея в русском государстве, с последующей русификацией всех народов России. Если исходить из этой ложной дилеммы, то отказ от русского национализма может показаться приемлемым выбором меньшего из двух зол. В действительности, такой отказ не необходим.

Во-первых, он базируется на «презумпции виновности» национальной идеи как таковой, а это, по меньшей мере, странно. Ведь «русская идея» — всего лишь разновидность национальной идеи, наличие которой естественно предполагается у каждого народа. Во-вторых, сознательные попытки «трансформации» национальной идеи в наднациональную идею, как известно, успехом не увенчались. То, что наднациональная идея означает на практике безнациональную и деэтнизирующую, показал эксперимент с «новой исторической общностью» — советским народом. Ложность дилеммы, из которой исходит такой подход, заключается в том, что русскую и российскую идеи мыслят как взаимоисключающие. Но с точки зрения здравого смысла, трудно понять, почему, скажем, бурятская или мордовская, эвенкийская или адыгейская национальные идеи совместимы с российской идентичностью, а русская национальная идея с ней не совместима.

Мировой опыт свидетельствует о том, что многоэтнические мультикультурные суперэтноты, построенные по типу «salad bowl» (салатницы) могут быть не менее жизнеспособными, чем построенные по типу «melting-pot» (плавильного котла). Но если западные общества сравнительно недавно, с 1970-х годов, осознали бесперспективность попыток добиться этнокультурной гомогенности и провозгласили своим идеалом интеграцию без ассимиляции, то российские традиции терпимости в межэтнических отношениях уходят в глубь веков. Семидесятилетняя практика пролетарского и советского интернационализма нанесла по ним серьезный удар, но подорвать их не смогла — скорей, наоборот, вековые традиции подмяли под себя, «гуманизировали» большевистский интернационализм, создав далеко не однозначный феномен «реального интернационализма»².

«Русская идея» сегодня — это осознание русскими людьми, русским народом в целом своей исторической судьбы, актуальных задач в настоящем и перспективных целей на будущее, общей ответственности и обязанности строить лучшее, гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (или должна быть) у каждого из российских народов. Интегральная же российская идея является (или должна стать) делом всех российских народов. Это осознание необходимости отыскания народами России новой формулы российской государственности, способов совместного преодоления кризиса, выживания, самоспасения, самопреобразования ради достойного существования и сосуществования, взаимообогащения, органичности соединения различных народов, культур, традиций, конфессий в единой политической нации. Иначе говоря, российская идея есть осознание того, чем была, что есть и чем будет Россия во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства.

² Более полно эта точка зрения отражена в публикации: Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 107-110.

Последнее предполагает признание конституционной правосубъектности русских в качестве народа, образующего нацию, выработку официальной доктрины национальной политики, решительный отказ от принципов интернационализма и космополитизма, ведущих к деэтнизации народов страны, прежде всего русского народа. Результатом этих необходимых шагов должен стать отход от псевдофедеративного государственного устройства, базирующегося на этническом федерализме и переход к подлинно демократическому федерализму, допускающему только административно-территориальные разграничения и гарантирующему фактическое гражданское равенство и соблюдение прав человека.

Теоретический дискурс. Важность теоретико-методологических изысканий по данной теме несомненна. Авторы анализируют такие фундаментальные понятия, как «нация», «национальное самосознание», «национальная идентичность», «национализм», «патриотизм», «русский вопрос», «русская идея». В число смежных понятий, необходимо связанных с ними, входят такие, как «этнос», «народ», «гражданство», «титульная нация»; «интернационализм», «космополитизм», «мультикультурализм», «национальный шовинизм», «националистический радикализм», «ультранационализм», «ксенофобия», «антисемитизм», «руссофобия», «расизм», «нацизм», «фашизм», «дискриминация», «этнократия», «этноцентризм»; «революция», «модернизация», «вестернизация», «трансформация», «реформация»; «цивилизация», «культура», «менталитет», «национальная культура», «национальные особенности», «национальный характер».

Разумеется, это далеко не полный перечень основных понятий в рамках теоретико-методологической сферы рассматриваемого нами дискурса; упомянуть все просто невозможно. Заметим, что предлагать их определения и собственную трактовку — значит нарушить принцип объективности описания. Вокруг толкования этих понятий в России как раз и идет оживленная полемика, часто выходящая за пределы «чистой» науки в область общественной практики. К наиболее важным наблюдениям относится тот факт, что в 1990-е годы происходит ломка традиционных для общественнонаучного периода представлений о «нации», «национальности», «национализме», «этнотипе», «этничности», «этнонационализме» и многих смежных понятий. Лидирующие позиции завоевывает современная западная точка зрения, представляющаяся многим авторам как более «адекватная» и «прогрессивная», а именно та, согласно которой указанные выше понятия отражают не застывшую естественно-историческую реальность, тем более нечто, данное от бога, — они вообще ничего не «отражают», а являются мыслительными инструментами социального конструирования. Творящие их интеллектуальные и политические элиты вкладывают в них всякий раз свой особый смысл, чтобы сконструировать ту или иную «национальную идентичность», соответствующую их интересам и стремлению к господству в данном социальном пространстве в данный момент времени. По сути дела, речь идет не просто об изменении смыслового содержания понятий, но о симптоматичной смене парадигм. Рассмотрим эту важнейшую тенденцию более детально.

Согласно лидирующему конструктивистскому (креационистскому, активистскому, прагматистскому, номиналистскому, неокантиански-функционалистскому, либералистскому, элитаристскому) пониманию «на-

ции» и смежных понятий, «нация» — это лишь конструкт, за которым не стоит и не должно стоять никакое реальное бытие. Всякое «национальное бытие» — как, впрочем, и «социальное бытие» вообще, — а стало быть, всякое реалистическое толкование понятий «этнос», «нация» отвергаются как «натурализация» или «реификация» социальности. Последняя понимается как непрерывный поток социальных актов (действий). Они осуществляются не «людьми» и не «личностями» — эти понятия окончательно изгоняются из новейшей социальной философии как рудименты «модерна» — но «акторами», по сути, дисциплинарными *homunculi* — *homo sapiens*, *homo sociologicus*, *homo oeconomicus* и т. п., которые устанавливают и изменяют социальные отношения в духе *creatio continua*. В одну и ту же реку нельзя войти дважды, поэтому помыслить ткань социальных отношений как относительно устойчивую естественно-историческую реальность, как независимое от воли и сознания «акторов» бытие значит порвать эту живую ткань и превратить ее мертвые куски в некую квазиприродную реальность или богом данный «дух» («душу народа», «национальный дух» и т. п.).

Новое конструктивистское понятие «нации» базируется на понятии «национальной идентичности». Тем самым нация, во-первых, характеризуется исключительно через сознание, во-вторых, приравнивается к самосознанию. Но самосознание социума (который хочет стать «нацией») представляется в первую очередь интеллектуальная элита. Поэтому последняя наделяется приоритетным правом формулирования «национальной идентичности» — то есть того, чем сознает себя некий социум в данное социальное время. Формирование же «национальной идентичности» — прерогатива политиков, а также работников средств массовой информации, деятелей культуры, системы государственного образования и воспитания. Они «раскручивают» ту или иную национальную идею, доводя ее «до потребителя» — простого обывателя. При таком (номиналистском) подходе устраняется само понятие «народ», как якобы утратившее в современном обществе содержание и смысл. При этом отношение к народу, по крайней мере, двойственное: с одной стороны, он третируется как отсталый и темный («быдло», «совок», носитель «совкового менталитета» и т. п.), как главный тормоз прогрессивных либеральных реформ; с другой стороны, российский народ благодаря своей терпеливости абсолютно незаменим в его в главной (с точки зрения радикальных реформаторов) функции — служить пластичным материалом для социально-экономических экспериментов и политических проектов любого рода («навоз истории»). Место народа занимает безлика «масса», легко поддающаяся трансформерным манипуляциям сверху. Аналогичным образом элиминируются либо сводятся к узко функциональным эрзацам традиция, язык, культура, религия и многие другие внеэлитные социально-низовые реалии (в частности, народная культура, народная традиция, национальная культура, национальная традиция).

Между тем, роль и возможности работников средств массовой информации, особенно электронных, резко возрастает в обществе нового типа — обществе знания, или информационном обществе. Элементы такого, особенно заметные в больших городах, наблюдаются уже и в России. Различия между интеллектуалом, политиком и медиа-работником постепенно стираются. Та патриотическая «мобилизация» массового сознания через аффект

под эгидой определенной идеи (например, национальной, государственной), которую сегодня отчасти уже самостоятельно, отчасти еще в координации с правящими политическими верхами и обслуживающими их интеллектуалами конструируют и пропагандируют электронные средства информации, начинает отождествляться с «патриотизмом» как таковым, а «нация» как таковая — с медийным образом страны и ее народа.

Подмены никто не замечает, ибо замечать ее больше некому (народа-то «нет»), да и незачем — ведь критериев подлинности больше не существует. Онтологически фундированная, естественная почвенническая любовь к родине (патриотизм) как первичной феноменологической реальности жизненного мира личности, закономерно расширяющегося по мере возрастающей духовной эволюции личности концентрическими кругами «родной дом» — «малая родина» — «родина» — «человечество», постепенно вытесняется из сферы общественного внимания. Его место занимает когнитивистски, функционалистски и релятивистски понимаемая патриотичность массы как ее готовность к мобилизации и солидаризации, то есть реактивная, вторичная способность, часто лишь аффективная восприимчивость, или отзывчивость массы на определенные внешние стимулы. Аналогичный процесс социального протезирования наблюдается и в близкой сфере этнонациональных отношений.

С точки зрения социологии знания любопытен тот факт, что в рамках конструктивистской парадигмы произошла мифологизация понятия «идентичность»: за ним молчаливо признается роль уникального магического средства для заклинания «духа научности» в изучении нации и национального сознания. Судя по всему, эта мифологизация нужна профессиональному сообществу ученых для внутренних научно-коммуникативных ритуалов и церемоний, без которых оно не может существовать, а также для самоутверждения в обществе в лице его наиболее компетентных представителей в качестве «специалистов» и «экспертов». Попробуем выдвинуть версию того, почему и как такая мифологизация стала возможна.

Понятие идентичности вошло в научный оборот главным образом благодаря З. Фрейду, который использовал его, чтобы показать значимость для человека самопознания, самовосприятия, самопонимания. «Я-концепция», вырабатываемая личностью в ходе самопознания, включает представление личности о себе как действующем субъекте среди других действующих субъектов, а также тот образ, который составляют о личности окружающие и который она воспринимает (выбирая) как адекватный. Такая самоидентификация предполагает, разумеется, и самооценку. Конечно, «Я-концепция» — не просто досужие нарциссические умозрения, а важнейший фактор жизнедеятельности личности. То, как мы себя представляем и оцениваем, влияет на то, к чему мы стремимся, как живем, насколько мы успешны.

Заслуга Фрейда состояла не столько в обнаружении этой внутренней необходимой связи между самопознанием и эмоционально-волевой сферой (ее анализировал еще У. Джемс, а к суждению «хочешь быть счастливым — будь им» относились серьезно и до Фрейда), сколько в глубоком изучении частных случаев в психоаналитической терапевтической практике, связанных с проявлениями сексуальности. Так, например, Фрейду важно было показать, что низкая самооценка, из-за которой у женщины не складываются

отношения с мужчинами, обусловлена психологической травмой, полученной ею в детстве при общении с отцом. При этом психоаналитик убеждал пациентку, что ее личностная и половая «идентичность» не есть нечто, данное ей от бога или природы (так называемая «фригидность», которую якобы уже не поправишь), но есть продукт ее собственного, по большей части бессознательного опытного самопознания, полученный в ходе ее уникального жизненного пути. Такое видение «идентичности» открывало возможность коррекции человеческой судьбы, которая еще недавно воспринималась как роковая неотвратимость. Кроме терапевтического эффекта, психоаналитическое вмешательство имело также и гуманистическое, эмансипаторное значение.

Думается, именно в переносе с человеческой личности на социум и историю фрейдистского психоаналитического понятия «идентичности» и кроются причины гипнотической очарованности современных гуманитариев этим понятием. Принимая конструктивистскую парадигму, интеллигент льстит себе сопутствующей этой парадигме иллюзией, будто его позиция и роль по отношению к социуму по сути такие же, как позиция и роль психоаналитика по отношению к пациенту. Он полагает, что благодаря своим специальным знаниям способен проникнуть вглубь «коллективного бессознательного», поставить нации диагноз и таким образом повлиять на изменение ее прежнего (неадекватного) самопонимания — то есть вылечить больное общество, прописав ему благотворное лекарство.

В конце 1990-х годов группа космополитически ориентированных социологов из разных стран, видимо, в эйфории от ускорившейся глобализации, заявила о своей готовности лечить больные общества по всему миру. Больными, точнее «культурно травмированными», объявлялись общества (независимо от того, к каким цивилизациям они принадлежат), не способные либо не желающие догонять развитые индустриальные страны, следуя курсом вестернизации. Один из этих социологов, известный польский профессор, начинает свой доклад с фундаментальных социально-философских постулатов, которые при ближайшем рассмотрении оказываются модификацией идей Л.Д. Троцкого о «перманентной революции»: «Онтологически, общество есть не что иное, как изменение, движение и трансформация, действие и взаимодействие, созидание и воссоздание, скорее перманентное становление, чем стабильное бытие. (...) Жизнь существует, пока живут. Общество существует, пока оно меняется. Единственный онтологически обоснованный подход в социологии — динамический».

Давно известно: легитимность выводов по аналогии между индивидуальной человеческой личностью и социумом (обществом, нацией) вызывает большие сомнения — как с социально-философской, так и с научно-теоретической точек зрения. Хотя такие аналогии не только нужны, но и неизбежны из-за естественной антропоморфности социального мышления, не следует преувеличивать их значения. Социумы почему-то не выздоравливают от одних лишь психотерапевтических диагнозов, какими бы правильными они ни были. Например, для внимательного наблюдателя очевидно, что русофобия в России стала *rigid* общественным сознанием: если нерусский национализм — явление допустимое, нормальное, достойное, прогрессивное, то русский национализм — явление недопустимое, ненормальное, недостойное, реакционное. Можно по-разному относиться к данному факту,

но ни от его констатации, ни от его оценки «коллективное бессознательное» русских не изменится. Можно тысячу раз повторять «идентичностное» заклинание: «Россия — великая держава!», но от этого Россия не станет великой державой. Чтобы преодолеть сопротивление сложившейся социальной реальности, для начала необходимо признать ее существование как формы социального бытия. А это значит — признать, по меньшей мере, ограниченность конструктивистской парадигмы.

Давно доказано, что расовые, этнические, национальные предрассудки имеют иррациональное (а точнее, нерациональное) происхождение, а именно, представляют собой форму мифического сознания. Но с тех пор мало что изменилось. Скорее, наоборот, XX век шокировал человечество чудовищными мифами и их страшной властью над сердцами, волей и умами даже самых просвещенных народов. Миф, питаемый эмоционально-волевыми импульсами и интенциями, столь же неискореним, как сами человеческие порывы и чувства, — к такому выводу пришел в конце своего творческого пути в работе «Миф о государстве» Э. Кассирер. Если ученому, «изобличившему» расовый предрассудок в том, что он абсолютно «иррационален», кажется, что на этом дело сделано — предрассудок завтра или послезавтра отомрет сам по себе, — то это говорит лишь о мании величия жреца науки. Он явно преувеличивает значение и роль в обществе рассудка и созданного им на рациональной основе социального института науки — инструмента, необходимого для преобразования природы в целях выживания рода человеческого. Впрочем, сегодня этот вывод может показаться пессимистическим разве только окончательно утратившему чувство реальности прогрессисту.

Адепты конструктивистской парадигмы предполагают, будто познание внутреннего мира, разновидностью которого является познание и конструирование собственного «Я», более основательно, надежно, вообще — ближе к истине, чем познание мира внешнего. Между тем, на пути внутреннего познания нас подстерегает не меньше, если не больше «идолов», о каких применительно к познанию мира внешнего писал Ф. Бэкон. Нация может какое-то время, иногда очень длительное, жить в самообмане, представляя себя самой великой, самой могущественной и защищенной в мире, пока жестокое столкновение с реальностью не изменит в ней само чувство реальности.

Во всяком случае, конструктивизм в трактовке нации открывает такие широкие возможности для вполне легального, но абсолютно циничного манипулирования общественным мнением в интересах экономических, внешне- и внутреннеполитических структур, что говорить о каком-то гуманистическом, эмансипаторном значении самоидентификационного процесса нации нельзя. Более того, проблематичен даже психотерапевтический эффект социально-педагогических усилий главных конструкторов «национальной идентичности». Виртуализация нации в конструктивистской этнологической парадигме ведет лишь к тому, что под нацией начинают понимать только то, что нацией называют интеллектуалы и политики по телевидению, в Интернете, газетах, журналах, книгах, учебниках. Борьба части интеллектуальной элиты России, сосредоточенной главным образом в городах федерального значения и ориентированной космополитически, против якобы ретроградного «субстанциализма» и «эссенциализма» в трактовке этноса, против его мнимой «натурализации» и «реификации» увеличивает и без того колос-

сальный отрыв интеллигенции от основной массы российского народа, живущего в регионах — в средних и малых городах, поселках и деревнях. Это происходит потому, что, с одной стороны, «птичий язык» постмодернистского мультикультурализма обычные люди просто перестают понимать. С другой стороны, он не позволяет адекватно решать реальные острые наболевшие проблемы межнациональных и федеративных отношений в РФ, так как не соответствует отечественным социальным реалиям, ориентируясь на иные, более продвинутое в политико-экономическом отношении западные образы социальной реальности. Область практического применения понятий и их дефиниций (типа «этнос — это гипертекстуальный код этнологического дискурса») резко сужается, происходит что-то вроде интеллектуалистской возгонки концепции, ее замыкания на саму себя. Зато вместо гуманитарно-научной «зауми» до народа доходят ясные и грубые человеконенавистнические лозунги ультранационалистов и нацистов, а здравомыслящие интеллектуалы, переключая иногда свое внимание с Запада на Россию, позиционируются в роли сторонних наблюдателей за тревожными событиями в родной стране.

Засилье марксизма-ленинизма в общественных науках сменилось модой на новейшие западные учения и методологические концепции, результатом чего явилось отношение к ним чуть ли не как истинам в последней инстанции. О собственных теориях и методологиях либо, по крайней мере, о взвешенном критическом подходе к тому, что господствуют сейчас в западной социально-научной литературе, говорить пока не приходится. Но мода вечно пугает инстанции: последняя по времени далеко не всегда означает последняя по существу. На наш взгляд, наивный реализм, воспринятый историко-материалистической «теорией отражения», при всех его слабостях, подвергнутых критике еще в неокантианстве, все же не настолько далек от истины (то есть от того, что «есть»), как далек от нее релятивизм посмодернистской парадигмы, выбрасывающий онтологию на свалку истории.

Историческое развитие через взрыв и скачок, шарахание из крайности в крайность — характерная для России особенность цивилизационного процесса, как справедливо отмечают многие авторы. Вот и сегодня отечественное обществознание, если судить хотя бы по обсуждению проблем «новой российской идентичности», тешит себя псевдопрогрессивной конструктивистской методологией, за которой проглядывает левый радикализм в троцкистской форме, в то время как российское государство *de jure* устроено и *de facto* живет по сталинскому определению нации.

К типологии дискурса

Методологические установки. Критерием типологизации могут быть, разумеется, любые признаки. Таковым может стать стиль изложения автора, позволяющий судить о степени его вовлеченности в реальные процессы, а также стиль мышления. Нам представляется, что в качестве критерия типологизации дискурса новой российской идентичности предпочтительны те общественные отношения или их сущностные принципы, которые в данное социально-историческое время и в данном социальном пространстве играют главную, определяющую роль не только в общественной жизни, но и — что особенно важно — в формировании российской национальной идентичности

и межнациональных отношений. Таковыми, на наш взгляд, в настоящее время в Российской Федерации являются прежде всего властно-политические отношения. После распада СССР в условиях экономического кризиса и депопуляции в России именно они стали доминирующими — причем не только в их внутривластном измерении, но и в глобальном геополитическом. Под властно-политическими отношениями как критерием типологизации дискурса по национальному вопросу мы имеем в виду не принадлежность автора к той или иной политической партии, организации, группировке, к тому или иному национально-культурному движению, объединению, лобби. Мы следуем таким традиционным различиям и понятиям, как «славянофильство — западничество», «либерализм — консерватизм, «Запад — Восток», «радикализм», «центризм» «фундаментализм» и др., которые имеют скорее философско-социологический и культурологический смыслы. Таким образом, мы используем понятие «власть» в философско-политическом, а не конкретном политологическом плане. Речь идет, скорее, о ценностных системах, служащих для авторов ориентирами, а не об общественно-политических системах, к которым авторы тяготеют.

Между этнонациональными отношениями и отношениями властно-политическими вообще нет необходимой связи («по природе»), какая есть, например, между этносом и языком, этносом и культурой. Правда, в определенное время и в определенном месте эта связь может возникнуть в результате целенаправленной деятельности людей («по истории»), например, завоевания и ассимиляции одного народа на территории его проживания другим. Тогда происходит политизация этнического бытия и этнонациональных отношений, то есть экспансия отношений господства и подчинения, стремления первенствовать, превосходить, доминировать, контролировать, управлять и направлять и т. д. на сферу (меж)национальных отношений³.

Политизация этнического бытия в результате колонизаций, войн, вмешательств всегда — естественно-исторический процесс, а вовсе не произвольный конструкт интеллектуалов. Даже если интеллектуалам и политическим лидерам кажется, будто им по силам сконструировать новую национальную идентичность, то это либо чистая иллюзия, либо не осознаваемый ими (по той или иной причине) социальный заказ. Например, такой заказ появился в России во время «парада суверенитетов» и соответствовал интересам этнических элит в регионах и на местах. Разумеется, все, что имеет начало, имеет и конец: деполитизация этнического бытия — такой же естественно-исторический процесс, как и его политизация. Правящие круги и интеллектуальная элита могут только ускорить или, наоборот, замедлить деполитизацию, происходящую под действием реально-исторических факторов, однако остановить ее сразу указом президента или пропагандистской акцией, если указанные факторы по-прежнему определяют условия реального существования масс людей, конечно же, невозможно.

Вывод о приоритетном значении властно-политического фактора во внутривластном социальном пространстве после распада СССР позволяет включить в содержание типов дискурса по новой российской идентичности

³ См.: *Малинкин А.Н.* Патриотизм и социальные общности // Социологический журнал. № 1999. 3/4. С. 70-72.

два плана рассмотрения — реально-исторический и идейно-исторический: с одной стороны, — «русский вопрос», с другой — комплекс вопросов, сосредоточенных вокруг так называемой «русской идеи» — проблему новой российской идентичности, самобытности России (в отличие от Западной Европы и Запада вообще), ее особой миссии, особом историческом пути и т. д. По сути дела, речь идет об отношении авторов к возросшему русскому национализму и распознаванию по ряду признаков соответствующих градаций (типов) в этом отношении. Пожалуй, можно согласиться с мнением С. Такеши, что национализм — это не просто «идеология, как либерализм и фашизм, он более похож на религию», поскольку включает в себя чувства, ценности и нормы⁴.

С методологической точки зрения важно подчеркнуть, что типологизация расчленяет на относительно замкнутые поля (типы) дискурсивное пространство нового российского мышления о национальной идентичности, претендуя только на его полное формальное, но не полное содержательно-материальное покрытие. Иначе говоря, она не является исчерпывающим собранием эмпирических фактов, на основании которых якобы потом делаются обобщения и генерализации. По выбранному нами критерию можно выделить, по крайней мере, пять типов дискурса с характерными для них представлениями о русских как о нации, о национальном самосознании (самоидентификации) русских, об исторических судьбах России и путях ее развития (модернизации) и т. д. Названия, которые мы им даем, разумеется, условны, поскольку речь идет об идеальных типах, а не об индуктивных или собирательных понятиях: 1) революционаристский; 2) либеральный; 3) центристский; 4) консервативный; 5) фундаменталистский.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ТИПОВ ДИСКУРСА ПО НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Революционаристский тип. Имеются в виду радикально настроенные новые «западники». Россия для них — задворки Западной Европы, евро-американской, или мировой цивилизации. Они либо вообще не признают ее самобытности, либо признают ее только как негативный балласт «вековой отсталости России от Запада». Поэтому они готовы немедленно радикально сломать, взорвать традиционную российскую национальную идентичность, оцениваемую ими крайне отрицательно. По их мнению, говорить о какой-то загадочной «русской душе», особой «российской стати», специфическом «российском менталитете» абсолютно непродуктивно, бессмысленно, смешотворно. От этих абсолютно иррациональных русофильских мифов, равно как и от всего советско-тоталитарного, надо просто отказаться и безоговорочно капитулировать перед евро-американской цивилизацией, чтобы как можно быстрее вступить на единую для всех всемирно-историческую «столбовую дорожку мировой цивилизации» — осуществить модернизацию России. Это путь прогресса, ведущий к либерализму, гарантирующему свободу личности, права человека, минимум государственного вмешательства в социальную жизнь, экономическое процветание, политическую демократию,

⁴ Takeishi C. Japanese National Identity in Transition: Who Wants to Send the Military Abroad? // International Sociology. 1996. No. 11. P. 241.

право наций на самоопределение вплоть до отделения, мультикультурализм и т. д. Россия отстает от Запада, но чем более радикально она будет модернизировать общество и все его подсистемы, тем больше у нее шансов быстрее его догнать. Появляется явно выраженный русофобский и антироссийский мотив: по мнению авторов, относящихся к этому типу, надо честно признать, что российский народ (прежде всего русский) с его заскорузлым «совковым», фашизоидным менталитетом — главное препятствие на пути реформ. С ним не построить гражданского общества, ибо русскому народу, его национальному характеру больше всего подходит коммунизм, сущностно родственный фашизму и чреватый тоталитаризмом. Поэтому лишь радикальный антикоммунизм может оздоровить российское общество, освободив его от элементов фашизма и тоталитаризма. Сформировать новую российскую идентичность — значит, во-первых, категорически признать превосходство западной культуры, выработанных ею образцов жизни и универсальных «общечеловеческих ценностей» над отечественной культурой, ее образцами жизни и ценностями; во-вторых, принять западную культуру, образцы жизни и ценности как свои собственные, научиться по ним жить. Сможет ли реакционная народная масса приспособиться к новому динамичному образу жизни в XXI в. или не сможет — не важно. Революционные повороты истории всегда сопровождались жертвами. Не избежать их и нам — от истории не спрячешься. Открытой для всего мира без всяких ограничений — такой должна быть новая Россия. Интеграция в мировое сообщество должна происходить на основе космополитизма: где хорошо, там и отечество — этот принцип соответствует всемирно-историческому мегатренду глобализации, ведущему к образованию «мирового общества» под эгидой США. В политическом измерении, по западным меркам, — это левый радикализм, революционаризм, экстремизм (в тактике) в стремлении к либеральным целям (в стратегическом плане); по российским меркам, — это «правые силы» («радикал-реформаторы», «неолибералы», «необольшевики» «демократы», «прогрессисты», «западнисты», «глобалисты», «космополиты»);

Либералистский тип. Это умеренные новые «западники». Россия для них — Восточная Европа. Они признают особость России, но полагают, что она самобытна, как самобытна всякая другая страна. Российскую специфику учитывать надо, говорят они, но не стоит ее преувеличивать и переоценивать. В ней, как и в национальном русском характере, больше негативного, чем позитивного, считают они, ибо склонны оценивать развитие общества скорее по западной шкале ценностей — универсально-прогрессивной, либеральной, — чем по российской или какой-то иной. Советское наследие — во многом негативный балласт, от которого надо избавиться, хотя отдельные элементы, например, зародившийся в 1960-е годы и развивавшийся вплоть до 1990-х годов либерализм, стоит сохранить. Сформировать новую российскую идентичность — значит изменить традиционную национальную идентичность России в направлении ее большей «либерализации», которая означает трансформацию, перерождение некоторых традиционных элементов национального русского характера, прежде всего тех, которые мешают россиянам приспособиться к рыночному хозяйству и демократии во всех сферах — политической, социальной, производственной и т. д. Именно потому, что такой отказ затрагивает не столько периферийные, сколько центральные

элементы российского менталитета, они выступают не за немедленный революционный слом традиции, разрыв с ней, а за постепенный эволюционный переход к новому на базе элементов старого. Модернизация, безусловно, требуется России, но слишком радикальные, революционные меры по реформированию общества будут опережать его социально-психологическую готовность. Россия должна быть открытой миру, но ее интеграция в мировое сообщество, соответственно, подключение к процессу глобализации должны происходить поэтапно — то есть по мере ее внутренней готовности (формирования национальной идентичности) и с учетом ее исторически и геополитически сложившихся связей (России ближе Европа, а не США). В политическом измерении это — левые реформисты...

Центристский тип. Это интеллектуалы и политики, которых нельзя отнести ни к новым «западникам», ни к новым «славянофилам», потому что они стоят особняком от этой традиции, либо в их взглядах можно найти черты и тех, и других. Для них Россия — огромное восточно-европейское и одновременно евроазиатское государство с самобытной национальной и политической культурой. Они признают особый русский национальный характер, неповторимую специфику российского менталитета, которые следует учитывать, иначе трудно понять события и процессы, происходящие в России. Однако ни в самобытной культуре, ни в специфике российского менталитета нет ничего, что не поддавалось бы рациональному осмыслению, пониманию с точки зрения здравого смысла. Российские особенности в совокупности конституируют ту специфику социальной реальности, с которой сталкивается каждый политик, когда принимает решения, и каждый социальный ученый — экономист, юрист, социолог, культуролог, лингвист и т. д., — когда изучает общество (тем более, если анализируются результаты кросс-культурных сравнительных исследований). Сформировать новую российскую идентичность — значит построить новое политически сильное и экономически благополучное российское государство по принципу «нация-государство», сохранив лучшие традиции российской национальной и политической культуры. Для этого нужны усилия самого российского народа, всех этносов и конфессий. Но важна и открытость миру, готовность взять все лучшее у всех мировых цивилизаций, в том числе и у Запада — но не в духе преклонения перед ним как единственным источником просвещения, а в духе взаимовыгодного партнерства, на базе сравнительной методологии. Последнее предполагает разумные ограничения, сбалансированный протекционизм (в первую очередь в области культурного влияния). К этой линии примыкают авторы, придерживающиеся социально-демократической, национально-демократической и собственно центристской ориентации, «государственники», сторонники государственного патриотизма.

Консервативный тип. Речь идет об умеренных новых «славянофилах». Россия для них — северо-евразийская славяно-тюркская, или православно-мусульманская, государство-цивилизация («цивилизация» либо «империя») с собственными геополитическими интересами и задачами, ядро которой составляет русский народ со своей самобытной национальной традиционной культурой. Они подчеркивают, что у россиян особый национальный характер и менталитет, которые обязательно надо учитывать, чтобы понять историю Российской империи, СССР и то, что происходит в России сейчас. В

«русской идее», в самобытности русской культуры, специфике российского менталитета нет ничего иррационального, недоступного здравому смыслу. Однако на Западе их обычно плохо понимают либо преднамеренно извращают. Самобытность России-Евразии (империи) — национальная и цивилизационная, — конституирует специфику российской социальной реальности. Ее следует оценивать по большей части как позитивную: она — национальное достояние, огромный внутренний потенциал (ресурс) и залог будущих экономических и геополитических успехов РФ. Ее негативные оценки Западом и российскими «западниками» — либо плод добросовестного заблуждения, либо продуманная политико-идеологическая стратегия, направленная в конечном счете на подрыв российской государственности, евразийской православно-мусульманской цивилизации вообще. Сформировать новую российскую идентичность — это означает в новых исторических условиях, то есть в постиндустриальную информационную эпоху, когда Запад бросил России вызов «глобализации», сохранить евразийскую (имперскую) цивилизационную и русскую национально-культурную идентичность России, возродить традиции сильной государственности, но не впасть в крайность теократического панславизма, который столкнул бы Россию одновременно и с Западом, и с мусульманским миром. Интеграция России-Евразии (империи) в мировое сообщество должна быть геополитически выверенной и сбалансированной, то есть ориентированной в зависимости от национальных приоритетов и интересов в разной мере на разные государства и регионы мира. Она должна происходить по мере выхода России из глубочайшего общественно-системного кризиса, формирования новой российской идентичности по принципу диалога культур и исключать одностороннее влияние, а тем более идеологическое вмешательство. Последнее предполагает выработку концепции информационной и духовной безопасности РФ. Прежде всего надо дать решительный отпор европо- и американоцентризму («западнизму»), выдающему себя на словах за «глобализацию» на базе «общечеловеческих ценностей», но на деле отождествляющему западную цивилизацию с общечеловеческой, а прогресс — со всемирной вестернизацией. Дистанцирование от Запада и фильтрация его влияния необходимы также потому, что экспортируемый им деморализующий постмодерн доходит до России быстрее модерна.

Таким образом, России требуется временный партикуляризм, с экономическим, культурным и прочим протекционизмом, но ей противопоказан изоляционизм, ведущий к деградации и автаркии. В политическом измерении к данной группе относятся авторы, настроенные либерально-консервативно, консервативно или национально-патриотически; «державники», настаивающие на определении РФ как империи; новые коммунисты; неоевразийцы; традиционалисты и т. п.

Фундаменталистский тип. Имеются в виду радикально настроенные новые «славянофилы». В настоящее время это преимущественно русофилы (правда, к «русским» они часто относят «великороссов», «малороссов» и «белороссов», исключая иногда «малороссов»), поскольку идея панславизма не очень популярна. Их национализм имеет откровенно этноцентрический характер. Россия для них — русская цивилизация, Святая Русь, страна для русских. Они не довольствуются утверждением, что Россия — самобытная

цивилизация с уникальной национальной культурой, собственной традиционной системой ценностей, что у нее особый реально-исторический путь, особая идейно-историческая миссия, и настаивают на цивилизационной исключительности России, ее богоизбранности, национальном превосходстве русских над другими народами (перечисляются доказывающие это исторические и культурные факты, черты национального характера), иногда доказывается расовое превосходство русских как элитной части славянства, относящейся к наиболее чистой и древней арийской расе (перечисляются доказывающие это исторические, археологические, этнологические, антропологические, в частности, краниологические, и другие факты). По их убеждению, исконные российские особенности — «загадочная русская душа», «российский менталитет», «русская духовность» и т. п. — не просто составляют специфику социальной реальности в России, но лежат в основе российской общественной жизни и истории. Более того, они не доступны для понимания нерусских.

Признавая существенное сходство России с некоторыми другими цивилизациями, как правило древнеазиатскими, новые радикальные «славянофилы» акцентируют внимание на предустановленной антагонистичности Запада русской цивилизации и культуре, фатальной враждебности для русских всякого западного влияния (перечисляются прошлые злодеяния Запада, угрозы, исходящие от него в настоящем и ожидаемые в будущем). Появляется явно выраженный юдофобский, антисемитский мотив; у расистов ксенофобия и ненависть распространяются на все неарийские народы. Проблема модернизации в рамках этой парадигмы вообще не стоит, поскольку модернизация беспелециозно отождествляется с вестернизацией и, соответственно, с нежелательными культурными и расовыми смещениями. Сформировать новую российскую идентичность — означает вернуться к исконным истокам русской национальной культуры (не только и не столько дворянской и боярской, сколько древнерусской народной), отыскать нетленные духовные семена предков, затоптанные в грязь чужеземцами, инородцами, иноверцами, прозападными отщепенцами и дегенератами и, наконец, возродить их на современной почве. Сделать это трудно, ибо родная почва иссохла и загажена: требуются духовное очищение, с одной стороны, и расово-этнические чистки, а также долгосрочная программа «человеководства», включающая методы как позитивной, так и негативной евгеники, с другой. Возвращение государства российского в когорту великих мировых держав из нынешнего упадка, до которого его довели спецслужбы Запада вкупе с агентами влияния — в основном евреями и инородцами, захватившими средства массовой информации, банки и большинство естественных монополий, — возможно только через победу России в противостоянии с Западом, начавшим новый «крестовый поход» на Россию как главного врага посредством так называемой глобализации. Тут необходим не только радикальный протекционизм во всех сферах (прежде всего духовно-культурной) — требуется ставить заслон, подобный «китайской стене», а также активно готовится к войне. Речь идет уже не о временном инструментальном партикуляризме, а о целевом партикуляризме — самоизоляции на базе национальной и расовой исключительности, вплоть до автаркии. Политическое измерение данной ориентации включает национально-культурных или

религиозных (православных) фундаменталистов, ультранационалистов, националистических экстремистов, национал-шовинистов, национал-большевиков, (лимоновцев), нацистов (расистов).

ОБЩЕЕ ФОРМАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ТИПОВ

Для дискурсивного пространства «национальной идентичности» характерна поляризация: оно явно разрежено в центре и отличается повышенной плотностью по краям. Можно сделать вывод о недоразвитости и слабости в России 1990-х годов центристски ориентированного мышления по национальному вопросу, соответственно, о развитости и влиятельности в ней радикально ориентированных интеллектуальных и политических сил. Наблюдается дефицит позиций традиционного «левого» спектра. Все многообразие авторских позиций в целом смещено с левого края к правому. Это, в частности, выражается в том, что «новые коммунисты» в России — по преимуществу правые, значительна доля либеральных консерваторов, соответственно, и центр не служит точкой равновесия, а скорее более правый, чем левый.

Революционаристский и фундаменталистский типы объединяет явно выраженный негативный эмоциональный заряд, а также скрытый, незаметный на первый взгляд ресентимент. Если негативные эмоции выражаются в отдельных — резких, категоричных, максималистских — оценках (а потому легко устраняются), то ресентимент играет существенную роль в формировании системы оценочных суждений в целом. С некоторой долей преувеличения можно назвать крайние типы дискурса ресентиментными. Во всяком случае, в них наблюдается тенденция выдавать ненависть к своим оппонентам (препятствиям на пути прогресса либо врагам русской нации) за любовь к своей стране и народу.